

Л. С. Чекин

Карты в книгах XVI—XVIII вв.:

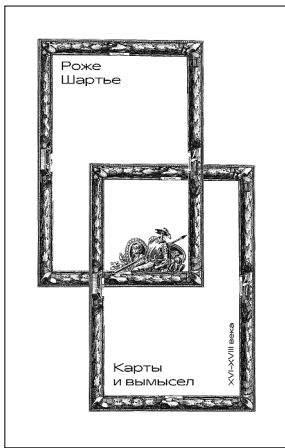
КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ВЫМЫСЛА
И ИЛЛЮЗОРНОСТЬ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_426

Шартье Р. Карты и вымысел (XVI—XVIII века).

СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2024. — 222 с. — 1000 экз.

Роже Шартье, французский историк книжной культуры, ведущий представитель последнего, четвертого поколения школы «Анналов», посвятил свой небольшой труд картографическим иллюстрациям в английских, итальянских, французских и испанских изданиях художественной литературы XVI—XVIII вв., в книгах о небывалых путешествиях, куртуазной любви и духовных исканиях. Эти карты либо показывают воображаемое пространство, либо включают выдуманные земли наряду с реальными, либо прослеживают путь вымышленных героев по карте, точно передающей научные географические представления того времени. Книга основана на лекционном курсе и писалась, как отмечает автор в кратком послесловии, «во время пандемии и сопровождавших ее ограничений». По-видимому, ограничения самым роковым образом сказались на возможностях автора пользоваться библиотеками: ему остались незнакомы как некоторые труды предшественников, пытавшихся организовать тот же материал, так и отдельные ключевые источники.

Французский оригинал книги вышел в электронном виде на платформе «OpenEdition Books» и находится на ней в открытом доступе. Русский перевод вышел в бумажном виде, однако в нем дважды, на обороте титульного листа и перед подборкой фрагментов карт, приводятся интернет-ссылка и код, выводящие на электронный оригинал книги¹. Открытый доступ к оригиналу очень полезен и для оценки качества перевода (переводчик М.С. Неклюдова известна не только своими переводами с французского, но и самостоятельными трудами по французской литературе XVII в.), и для более детального знакомства с иллюстрациями, так как они воспроизведены в оригинале в гораздо лучшем разрешении, чем в бумажном издании перевода².

Книга состоит из ряда эссе, посвященных картам-иллюстрациям, и введение по сути является одним из таких эссе. В нем упоминаются карты-иллюстрации в литературе жанра фэнтези XX в. («Хроники Нарнии», «Властелин колец») и в ли-

- 1 Chartier R. *Cartes et fictions (XVIe–XVIIIe siècle)*. Paris: Collège de France, 2022. <https://doi.org/10.4000/books.cdf.14109>
- 2 Из-за сбоя в пагинации бумажного издания ссылки на репродукции фрагментов почти всех карт сдвинулись на две страницы. На с. 14–15 дается ссылка на с. 219, тогда как соответствующий фрагмент находится на с. 217, точно такие же ссылки, сдвинувшиеся на две страницы, даются на с. 24–25, 39, 88, 126–127.

тературе для детей и юношества XIX—XX вв. («Таинственный остров», «Остров сокровищ», «Винни Пух»), о которых в основном тексте книги речи не пойдет. Задача книги, как ее формулирует автор, — проследить генеалогию литературных карт и выяснить, когда они появляются в вымышленных повествованиях. Первая глава посвящена испанским академическим изданиям «Дон Кихота» 1780 и 1797 гг., в которых комментаторы выявляют и критикуют географические «ошибки» Сервантеса и прилагают соответствующие карты-иллюстрации. Затем следуют две главы об иллюстрациях в английской литературе вымышленных путешествий (Джонатан Свифт, Даниэль Дефо, Джозеф Холл, Томас Мор), две главы о картах во французской куртуазной литературе XVII в. и совсем маленькая главка, названная «Первые карты», в которой автор объединил краткие описания самых ранних из обнаруженных им карт, в венецианских изданиях «Неистового Роланда» Ариосто 1556 г. и сочинений Петрарки 1525 г. В той же последней маленькой главке помещены и выводы о том, что генеалогические связи между рассмотренными картами возможны, но не доказуемы, что карта-иллюстрация была необязательным элементом издания, так как читатели сами могли воображать карту той или иной страны или острова на основе нарративных описаний и, наконец, что при наличии карт-иллюстраций полностью понять их роль и воздействие мы не можем. Затем идет уже упомянутое краткое послесловие автора.

В русском издании книга завершается статьей переводчицы, которая поясняет нам, что попытка проследить генеалогию литературных карт является не столько задачей, сколько сюжетным ходом книги. Эта статья, озаглавленная «Карта, или границы метафоры», может рассматриваться как вполне самостоятельная исследовательская работа, укрепляющая теоретический фундамент, которого недостает основному тексту книги. В частности, в ней показано, что карта и пространство в эпоху Великих географических открытий были базовыми метафорами³ (ситуация, в чем-то сходная с «пространственным поворотом» в гуманитарных науках последней четверти XX в., когда их переполнили картографические и другие пространственные метафоры). Картографическая метафора способствовала созданию как «ментальных образов», так и в некоторых случаях артефактов, то есть собственно карт, размечавших в своем двухмерном пространстве среди реальных или вымышленных географических объектов и этапы духовного роста человека, и развитие эмоций, желаний и импульсов, и альтернативное устройство общества.

Поскольку основной темой книги являются именно артефакты, то автору стоило бы ознакомиться с трудами историков картографии, хотя бы с издающейся в Чикаго с 1987 г. фундаментальной многотомной «Историей картографии», в соответствующих томах которой (третьем и четвертом) есть много материала о картах в художественной литературе⁴. Конечно, карты-иллюстрации не существуют лишь внутри границ своего жанра, а обыгрывают приемы, наиболее характерные для коммерческой картографии их времени. Так, карты в «Мире ином и том же самом» Холла эксплуатируют «боязнь пустоты» атласов Меркатора и Ортелия, в которых на основании традиции, слухов, предположений и гипотез подробно выписывалась береговая линия неизвестных арктических земель или пока не открытого Южного

3 Эту тему автор предисловия также разрабатывала в своей монографии: *Неклюдова М.С.* «Я двор зову страной...»: родословная одной метафоры. М.: РГГУ, 2014.

4 *The History of Cartography. Vol. 3. Pt. 1. Cartography in the European Renaissance / Ed. by D. Woodward. Chicago: University of Chicago Press, 2007; Vol. 4. Cartography in the European Enlightenment / Ed. by M.H. Edney and M. Sponberg Pedley. Chicago: University of Chicago Press, 2019.* Тома «Истории картографии» доступны в интернете: <https://press.uchicago.edu/books/HOC/index.html>

континента, в результате чего эти предположения и гипотезы приобретали в картографическом пространстве карты тот же статус, что и реальные земли. Карты Холла просто заполняют эти земли своими фантастическими топонимами⁵. А карты-иллюстрации к «Путешествиям Гулливера», напротив, пользуются пустотами, которые не боялся оставлять на своей карте мира современник Свифта Герман Молл, и, например, пририсовывают полуостров Бробдингнейг, страну великанов, примерно на месте неизвестной тогда Аляски.

Знакомство с «Историей картографии» позволило бы, в частности, расширить последнюю краткую главку, посвященную якобы самым ранним итальянским картам в иллюстрациях к «Неистовому Роланду Ариосто» и к изданию Петрарки 1525 г., подготовленному Алессандро Велутелло. Автор познакомился бы с картами дантовского Ада в изданиях Джироламо Бенивиени 1506 г. и дома Альда 1515 г., которые, как убедительно показал Т. Кэйчи, вдохновили Велутелло⁶. Еще ближе к веку инкунабул и к началу книгопечатания книга нюрнбергского гуманиста Конрада Цельтиса (1459—1508), который слушал в Риме в период между 1487 и 1489 гг. лекции Юлия Помпония Лэта. В 1502 г. Цельтис издал на латинском языке четыре эротико-географических элегии, где в качестве символа одной из четырех частей Германии выступает одна из его возлюбленных. Каждая книга элегий иллюстрирована соответствующей картой⁷.

Во французских разделах книги недостает ссылки на предшествующую попытку создания корпуса литературных карт в статье Э.П.М. Сентера⁸. Из статьи Сентера особенно полезным дополнением к корпусу, собранному Шартье, явилась бы карта к утопии анонимного автора «История великого и достойного восхищения королевства Антанжиль» (1616), которую можно было бы сопоставлять, например, с картами к английским утопическим и сатирическим сочинениям.

При чтении французских глав книги (и послесловия, где также основное внимание уделяется наиболее знакомым переводчице французским материалам) следует иметь в виду многозначность слова «карта» во французском языке XVII в. — «картами» могли именоваться как изображения географического пространства, так и нарративные описания страстей, эмоций, духовного роста, политических и религиозных воззрений. Как хорошо показывает автор, анализируя словари того времени, прямой и переносный смысл слова *carte* «не обязательно четко разграничивались» (с. 85—86). Не всегда эти смыслы разграничиваются и в самой книге. Это создает определенные сложности при попытках понять, воплотились ли те или иные тексты в материальных рисунках или гравюрах и когда именно это произошло.

Так, не вполне ясно, на чем основывается автор, датируя карту «королевства Любви» в исполнении Яна Саделера «с большой степенью вероятности» (с. 114) именно 1659 г. Возможно, это ошибка или опечатка вместо 1658 г., то есть года первой публикации текста «Карта королевства Любви», который атрибутируется Тристану Лермиту (в 1659 г. текст был переиздан), однако гравированной карты нет ни в издании 1658 г., ни в издании 1659 г.

5 См. также не ученную автором монографию о Джозефе Холле: *McCabe R.A. Joseph Hall: A Study in Satire and Meditation*. Oxford: Oxford University Press, 1982. P. 85—88.

6 *Cachey Th. J. Jr. Maps and Literature in Renaissance Italy // The History of Cartography*. Vol. 3. Pt. 1. P. 454.

7 *Celtis C. Quatuor libri amorum secundum quatuor latera Germanie. Norinbergae, 1502.*

8 *Senter E.P.M. Les cartes allégoriques romanesques du XVIIe siècle. Aperçu des gravures créées autour de l'apparition de la «Carte de Tendre» de la «Clélie» en 1654 // Gazette des beaux-arts. 1977. Avril. VIe période. T. 89. 119e année. 1299e livraison. P. 133—144.*

В целом с картой «королевства Любви», созданной на основе повествовательной «карты» Тристана Лермита, Шартье обошелся не вполне аккуратно. В качестве иллюстрации 26 в книге используется не первоначальная гравюра Яна Саделера, а «заново раскрашенная» Даниэлем Дерво гравюра без упоминания о том, что Даниэль-Луи Дерво — художник современный (1914—2010), автор исторических стилизаций, хорошо знакомых коллекционерам карт, и что работа его была опубликована в 1977 г.⁹ Дерво ее не просто «заново раскрасил», как предполагает автор, а, судя по подписи на гравюре, и заново нарисовал, и выгравировал («D. Derveaux inv[enit] & sculp[isit]»). А вот где можно посмотреть гравюру Яна Саделера¹⁰, имя которого также подписано на копии, созданной Дерво (J. Sadeleer auct[or]), — об этом Шартье умалчивает, говоря только о том, что были «различные издания и тиражи», в зависимости от которых карта «меняет цвета и рамку» (с. 114)¹¹.

Интересно существенное отличие «гравюры Саделера» в интерпретации Дерво от изображений вымышленных пространств во французской галантной картографии XVII в. Так, самая знаменитая из аллегорических карт, задуманная в салоне Мадлен де Скюдери, выгравированная Франсуа Шово и опубликованная в 1654 г. «Карта страны Нежности», показывает путь к счастью нежной дружбы по весьма условной территории между морем Вражды и озером Безразличия¹². Но на карте «королевства Любви» изображен не некий вымышленный «остров Цитера», как он назван в русском переводе, а вполне реалистичная береговая линия Китиры, «острова Афродиты» между Пелопоннесом и Критом. Вероятно, это обстоятельство ускользнуло не только от переводчицы, но и от автора, иначе он бы обратил внимание на такой уникальный для галантной картографии пример сочетания вымысла и географической реальности.

Для английских разделов настолько характерна неаккуратность в установлении вероятных генеалогических связей между картами, что переводчица даже попыталась уточнить аргументацию автора. Ее фраза «хронологическая последовательность как бы указывает на серию заимствований, но английские романские карты также позволяют обрисовать возможную типологию отношений между вымыслом и географией» (с. 79—80) не вполне соответствует французскому оригиналу: «Inscrites dans une chronologie qui suggère une chaîne d'emprunts, les cartes insérées dans les récits anglais présentent également une typologie des relations possibles entre la géographie et la fable». Слово *suggère*, «предполагает», и выбранный вариант перевода, «как бы указывает», передают разную степень доверия к гипотезе

9 <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb406097776>

10 Вероятно, имеется в виду Ян Саделер — младший (ок. 1588 — ок. 1665) — представитель фламандской династии гравюров, работавший в Мюнхене.

11 Та же гравюра Дерво (но с обрезанными на фотографии легендой слева и частью подписи внизу) опубликована в статье: *Pioffet M.-C. Le Pays inventé ou la Fiction géographique au temps des précieux // Studi francesi. 1998. Т. 42. № 126. Р. 448. Ср. о безуспешных поисках гравюры Саделера и о сомнениях в ее существовании в статье: Donné B. Tristan dans l'espace des topographies morales et galantes: La Carte du Royaume d'Amour // Actualités de Tristan. Actes du Colloque International (22, 23 et 24 novembre 2001). Nanterre: Université Paris X — Nanterre, Centre des Sciences de la Littérature, 2003 (Littérales n° special n° 3). Р. 215—216. № 8.*

12 Карта читается, конечно, не «сверху вниз» (с. 109), а снизу вверх. Во французском оригинале сказано правильно (de bas en haut, «снизу вверх»). Следует при этом отметить, что подобные ошибки в переводе крайне редки, а разделы о французской галантной картографии, благодаря большому опыту работы переводчицы с текстами XVII в., переведены виртуозно.

о цепочке заимствований из более ранних карт в более поздние. В оригинале отношение автора к такой гипотезе нейтральное, а в переводе отрицательное.

Создание представительного корпуса картографических иллюстраций эпохи XVI—XVIII вв., когда Великие географические открытия сопровождались развитием книгопечатания и расширением европейской книжной культуры, — очень интересная задача, решение которой может дать ответ и на поставленный автором вопрос о роли карт-иллюстраций и их воздействии на читателя в литературе XVI—XVIII вв. Автор не вполне справился с этой задачей. Переводчица объясняет недостатки книги Шартье «исследовательским сопротивлением соблазну источника», нежеланием войти в «бесконечный лабиринт реальных или воображаемых смысловых переключек и визуальных ассоциаций», то есть сознательной антиисточниковедческой позицией. Согласно ее оценке, «книга обманчиво прямолинейна», что «в значительной степени является искусно сконструированной иллюзией...» (с. 172).

Сложно судить, насколько удачной получилась иллюзия, но я все-таки верю, что основной задачей автора было не сконструировать иллюзию, а внести вклад в изучение истории книги и картографических иллюстраций. Мне дает основание так считать глава об испанских изданиях «Дон Кихота» 1780 и 1797 гг., которая является добротным книговедческим исследованием и содержит ценные наблюдения о функции карты как части научного аппарата в академических изданиях. Шартье впервые объединил в одном исследовании эти академические карты с другими разнородными иллюстрациями — с картами-путеводителями по галантной и моральной топографии и с картами — элементами псевдоученого оформления вымышленных путешествий, и при этом предположил возможность взаимного влияния этих категорий карт-иллюстраций. Если бы автор в должной мере учел труды предшественников, историков картографии, то он, возможно, смог бы воссоздать более цельную и менее иллюзорную историю картографической иллюстрации в книгах XVI—XVIII вв.